

Египетская сила

Автор:

Андрей Белянин

Египетская сила

Андрей Олегович Белянин

Мой учитель Лис #2

Мой учитель Лис – частный консультант Скотленд-Ярда. Вы можете обратиться к нему для разрешения самых непостижимых преступлений и загадок. Если вас не смущает, что он настоящий лис. Впрочем, в Лондоне девятнадцатого века – эпохи просвещения, электричества и пара, говорящие животные не смущают никого, их принято называть «близкими к природе». Доберманы служат в полиции, кони водят кебы, еноты торгуют газетами, а я записываю таинственные истории об элегантном детективе с рыжим хвостом...

Андрей Белянин

Египетская сила

Глава 1

Египетская сила

Мой учитель Лис.

Я уже писал об этом, и, наверное, вряд ли стоит так уж детально повторяться.

Однако классические литературные традиции Великобритании всё же требуют от меня как автора вот этих самых записей соблюдения некоторых определённых условий. А они таковы, что, прежде чем приступить собственно к изложению своей истории, я обязан хотя бы в общих чертах рассказать неискущённому читателю то, что ему доселе неизвестно.

В частности, кто я такой и в чём моя роль на страницах этого повествования. Итак, меня зовут Эдмунд Алистер Кроули, эсквайр, семидесяти двух лет от роду, в ясном уме и трезвой памяти, насколько оно вообще возможно при моём возрасте, англичанин, лондонец, в настоящее время проживающий... впрочем, вот это как раз не важно.

Нам куда важнее вернуться в светлые годы моей юности, когда я, четырнадцатилетний мальчишка-сирота, делил с двоюродной бабулей (особой пьющей и курящей) маленькую квартирку на окраине Челси, ходил в школу для мальчиков, старался хорошо учиться, очень любил физику и тайком занимался опытами с электричеством.

Моя жизнь так и протекала бы в учёбе, тумачах от уличных хулиганов, скуке домашнего быта, и бог знает, кем бы я стал, не встретиться на моём пути Лис, рыжехвостый джентльмен, консультирующий полицию Скотленд-Ярда. Да, судьба порой делает такие странные выражи...

Думаю, современному читателю не надо напоминать, что появившаяся в звёздном небе тысяча восемьсот двенадцатого года огромная комета не только стала предвестником великих войн, но также и непостижимым образом способствовала рождению на Земле разумных животных.

Прошло не так много времени, как наш цивилизованный мир электричества и пара, объединившийся в свободное торговое пространство от Хабаровска до Лиссабона, принял в единую семью так называемых близких к природе. Они работали наравне со всеми, имели равные права, заседали в парламенте, учились в престижных колледжах, участвовали в общественной жизни, и к середине прогрессивного девятнадцатого века человек уже не был венцом творения. Отныне на этот сомнительный титул претендовали ещё и разумные звери.

Так вот один из таких «претендентов» взял меня на службу секретарём и мальчиком на побегушках. Я второй месяц живу под именем Майкла (так решил мой наниматель) в престижном районе, в шикарном двухэтажном особняке близ Тауэрского моста на углу улицы Тули-стрит, меня тренирует бывший чемпион полка по французскому боксу, а ныне просто лысый дворецкий старина Шарль.

В мои обязанности входит запись всех диалогов, монологов, мыслей и детальное описание тех странных лондонских дел, что подкидывает моему учителю Скотленд-Ярд, где месье Ренар, или мистер Лис, был частным консультантом. Я лично являлся свидетелем, а иногда и полноценным участником его величайших расследований.

Дедуктивный метод моего учителя был крайне невразумительным, но не в плане достижения результата, тут он всегда срывал лавры победителя, а скорее в самом методе. Научиться ему было невозможно, ибо он всего лишь разговаривал с людьми. Всего лишь!

Ренар обладал совершенно изумительным слухом и чутьём, находя к каждому свой подход, свой язык, свою манеру поведения, так сказать, свой золотой ключик. Мне не известен никто в целом свете, кто мог бы вот так, походя, просто от фонаря болтая языком, раскрывать жуткие и кошмарные злодеяния нашего непростого, но прекрасного времени.

Однако давайте по порядку, надеюсь, я не слишком утомил вас, прежде чем перейти к пересказу событий той знаменательной осени, когда после кровавого дела о кошмарном убийстве «кисок» в порту, примерно через пять-шесть дней, мой наставник получил телеграмму без подписи, содержащую одно лишь слово: «Берегитесь».

– Майкл, мальчик мой, где твои записи по делу об алмазе Шести Раджей?

– Сию минуту, сэр! – успел прохрипеть я со второго этажа, поскольку именно в это время старый дворецкий, не вдаваясь в особые объяснения, демонстрировал на мне приём под названием «французский ключ». Вся суть которого заключалась в том, чтобы, сцепив кисти рук и сблизив локти, правильно сдавить ими шею противника, а потом...

– Майкл, минута уже прошла. – В голосе Лиса послышались лёгкие нотки раздражения.

Лысая нянька Шарль, мастер кулинарных и боевых искусств, спас положение, дав мне коленом такого пинка, что в следующее мгновение я совершил перелёт через всю лестницу и вспахал носом пышный персидский ковёр прямо у ног своего учителя.

– Записи по делу, – ещё раз потребовал он.

Я на четвереньках добрался до письменного стола и протянул ему свой потрёпанный блокнот.

Лис поставил на блюдечко тонкостенную чашечку британского фарфора с недопитым кофе. Закусив нижнюю губу, он быстро пролистал страницы, буквально на пару секунд задерживаясь на какой-то важной лишь для него информации.

– Что-то случилось, сэр?

– Судя по тому, что инспектор полиции уже вторую минуту мнётся у наших дверей, не решаясь взяться за электрический молоток... да. Я бы сказал, что он расстроен, озадачен, растерян и пребывает в серьёзных сомнениях по поводу своего следующего шага.

Я поспешил встать на ноги, отряхнуть колени и привести себя в порядок. В тот момент, когда в дверь наконец-то постучали, наш дворецкий уже дежурил в прихожей.

– Месье, инспектор Хаггерт просит принять его.

– Разумеется, Шарль, сопроводите гостя, – не вставая с кресла и не повышая голоса, попросил мой наставник. – Как я понимаю, сержант Гавкинс будет позже?

– Не исключено, месье. Я приготовлю сливки заранее.

– Добрый день, джентльмены. – К нам в гостиную шагнул немолодой крупный мужчина с бакенбардами, чем-то напоминающий коротконового тяжёлого английского бульдога.

Инспектор был в служебном мундире, но без головного убора, мокрый плащ он так же оставил в прихожей. Мы с месье Ренаром, встав, церемонно ответили на приветствие, а дворецкий почти в ту же минуту подал квадратный бокал с бренди на два пальца от донышка. Шарль отлично знал вкусы практически всех наших завсегдатаев, если мне будет позволено так выразиться, всегда успевая появиться из ниоткуда с нужными напитками в нужное время.

– Присаживайтесь, дорогой Хаггерт. – Лис широким жестом указал гостю на большое кресло поближе к камину. – Отвратительная погода, третий день льёт как из ведра. Синоптики говорят о холодном циклоне, который несут к нам океанические ветра. Как ваша драгоценная супруга?

– Благодарю вас, Ренар, она в порядке, – несколько рассеянно кивнул инспектор. – А ваш бренди великолепен. Впрочем, как всегда.

– У меня хороший поставщик из Шотландии. Там, кстати, тоже дожди. Такая неприятность.

– Действительно, – кивком подтвердил мистер Хаггерт.

– Лондонская погода более способствует размышлениям в тишине. Мальчик мой, напомни, что там говорил бессмертный Джон Китс?

– Я не помню, сэръ. Можно из Уильяма Блейка, он мне больше нравится.

Лис добродушно пожал плечами.

Слегка прокашлявшись, я с выражением прочёл:

Тигр, тигр, дикий страх...

Жуткий сон в чужих кострах,

Где оранжевый и чёрный

Подпирают тенью прах.

Кто познал твою печаль?

Кто послал в слепую даль?

Кто скрутил в комок все нервы,

Разукрасив глаз эмаль?

Чьею волей был твой взмах,

Кто расставил сеть в кустах?

Цепи чёрное железо

В чьих расплавилось руках?

В час чарующий, когда

С неба рушилась звезда

И в твоих очах пылали

Всей вселенной невода.

Он, любя своих детей,

Без упрёков и затей,

Глянул на тебя и сердцем

Принял боль твоих когтей?!

– Почему именно «Тигр»? Из-за алмаза Шести Раджей? А впрочем, не важно. Ты неплохо читаешь, Майкл.

– Bravo, – поддержал Лиса инспектор, не спеша потягивая свой бренди. – Ваш ученик растёт на глазах. Со временем, быть может, он даже сможет сделать карьеру в полиции. Как ты на это смотришь, парень?

– В будущем? С надеждой и перспективой, – подумав, ответил я.

Мой учитель позволил себе тонкую полуулыбку.

– Кстати, как проходит выставка египетского искусства в Британском музее? Вы ведь из-за этого нанесли нам визит. Отметьте, я не поставил в конце знак вопроса.

– Выставка? С чего вы взяли?

– Господи боже, вы минут пять мнёте в руках её буклет!

– Неужели? – совершенно не удивился сэр Хаггерт. – Что ж, она великолепна. Лорд Теккерей финансировал проведение этой выставки, и должен признать, что кроме мумий, костей, саркофагов, глиняных табличек и прочих редкостей там много золота и драгоценных камней.

– Как я понимаю, ничего не пропало?

– О нет, сэр! Мы обеспечили выставке надёжную охрану, там круглосуточно дежурит полицейский наряд. И ещё четверо констеблей периодически патрулируют улицу. – Инспектор Хаггерт покосился на Шарля, и тот, получив кивок от Лиса, быстро наполнил его бокал. – Однако должен признать, что есть вещи, которые меня тревожат.

Я уже почти привстал, потому что логичный вопрос буквально рвался с языка, но под резким взглядом своего рыжего наставника вовремя захлопнул рот. Наверное, излишне громко, все на секундочку вздрогнули, но у нас в Британии всегда лучше показаться глупым, чем невоспитанным.

– Простите, инспектор, Майкл всего лишь хотел спросить: если вас что-то тревожит, то разве сержант Гавкинс не готов лично разобраться с возникшей ситуацией?

Хаггерт шумно выдохнул и одним глотком выпил бренди.

– Ого, – чуть удивился Лис, поднимая брови. – Неужели вы уже направляли на это задание Гавкинса, но наш храбрый сержант не справился?

– Хуже...

– Шарль, ещё бренди инспектору и кофе по-бретонски для меня.

– Сию минуту, месье.

– А что значит «хуже»? – осторожно рискнул спросить я, раз уже все в гостиной так или иначе высказались.

Инспектор исподлобья бросил взгляд на хозяина дома, и месье Ренар, не задумываясь, подтвердил:

– Сэр, пусть мой секретарь ещё слишком юн и пылок, но он имеет право на вопрос. Если, конечно, Скотленд-Ярд не считает эту информацию секретной. В любом случае, как вы знаете, ничто из сказанного вами не покинет стен этого дома.

– Сержант Гавкинс, он... он находится... – Наш гость закашлялся и благодарно кивнул дворецкому, принимая с подноса бокал бренди. – Находится на вынужденном больничном у себя в меблированных комнатах в Сохо. Ему пришлось провести ночь в зале египетских мумий, на той самой выставке. Результат не заставил себя ждать.

– Полагаю, доберман поступил так по собственной инициативе.

– Да, Ренар, вы абсолютно правы! Я не отдавал такого приказа, но сержант уверял, будто бы что-то там почуял.

– У него столь чуткий нос? – случайно брякнул я, на что получил сразу три уничижительных взгляда от всех присутствующих. – Прошу прощения за мою бестактность. Глупый порыв пошутить, абсолютное отсутствие чувства юмора, подростковая горячность и полное отсутствие оправданий.

Трое мужчин не удержались от коротких аплодисментов.

Это не значит, что я прощён, но, по крайней мере, не буду наказан изгнанием из комнаты. Нужно учиться крепче держать язык за зубами. Инспектор благородно сделал вид, что ничего не произошло, оскорбительные слова не прозвучали, конфликт исчерпан, и спокойно продолжил.

Выпитый алкоголь, похоже, не оказывал на него ни малейшего действия. Ну разве что слегка порозовел нос, и не более.

– Там что-то творится, Ренар, поверьте мне. Констебль, дежуривший у дверей, докладывал о странных шорохах, скрипах, стогах и даже перестуке конских копыт. Это ненормально, но... Вы смеётесь надо мной, сэр?

– Я улыбнулся лишь на мгновение. И, разумеется, это не относится к вам, уважаемый инспектор, – очень серьёзно ответил Лис, мгновенно стирая с лица даже слабый намёк на веселье. – Но согласитесь, какие-то подозрительные шорохи-и...

– Оказались способны напугать Гавкинса! А сержант далеко не робкого десятка.

Вот тут согласие было всеобщим.

Я отличнейше помнил страшный оскал ретивого добермана, от которого у меня вечно мурашки по спине бегали. Никто и никогда не нагонял на меня такого страха. Ни маньяк в Гайд-парке, ни индийский тигр-убийца, ни сумасшедшие сиамские кошки с острыми спицами, ни даже моя грозная бабуля, когда рычала перегаром по утрам после вечерней попойки.

Не сомневайтесь, если она вовремя не получала свой виски, то вполне могла пойти на убийство. Причём в самой жестокой и извращённой форме.

Уж я-то её знаю...

– Чем же мы можем помочь полиции? – Принимая чашечку горячего кофе, мой учитель потянулся, с хрустом повертев шей, и продолжил: – Под вашим непосредственным руководством сотни профессиональных полисменов, с десятков сыщиков и детективов. При желании хоть у каждого экспоната можно было бы поставить отдельного констебля. Уверен, пара ночных дежурств быстро развеет все вопросы или сомнения.

– Вы во всём правы, Ренар, – подумав, согласился инспектор. – Разумеется, Скотленд-Ярду по силам справиться с любой ситуацией. Мои люди способны задержать любого преступника, в конце концов, их этому учили. Но мумии...

– Страх перед иррациональным?

– Вы не хуже меня знаете, как суеверны низшие чины полиции. И самое главное, лорд Теккерей будет весьма изумлён (если не жутко раздосадован!), узнав о полицейских нарядах в залах, где хранятся предоставленные им сокровища.

– Думается, это не единственный мотив, – скорее самому себе промурлыкал мой учитель, допил кофе и улыбнулся. – Инспектор, вы обратились по адресу. Нам с Майклом не составит ни малейшего труда провести ночь-другую вне дома.

– Я ваш должник...

– Ну что вы, какие долги?

– Я настаиваю.

– Ах, тогда не смею обидеть вас отказом, – торжественно согласился месье Ренар, вставая и пожимая инспектору руку.

Джентльменское соглашение было заключено.

Пока они церемонно прощались, обмениваясь уверениями во взаимном уважении и вечной дружбе, я спокойно дописал последние строчки в блокноте и, отложив верное электроперо, терпеливо ждал возвращения учителя. Лис вошёл в комнату, удовлетворённо потирая лапы.

С нашего последнего приключения в порту прошло больше недели, и всё это время мой скучающий учитель ждал исполнения обещаний от того таинственного синдиката, на хвост которого мы с ним, образно выражаясь, наступили. Увы-с...

Кроме одной-единственной телеграммы, у нас на руках не было больше ничего. Возможно даже, что и сама телеграмма являлась лишь чьей-то грубоватой шуткой. В любом случае пока никто не шёл дальше банальных угроз, и рыжий Лис явно скучал.

Он читал, гулял, пил, боксировал, фехтовал, спал днём, никуда не спешил, изо всех сил делая вид, что праздная жизнь доставляет ему искреннее удовольствие. Не думаю, чтобы таким образом ему удавалось хоть на час обмануть меня или того же дворецкого.

– Мальчик мой, мы берёмся за это дело!

– Потому что нам всё равно больше нечем заняться?

– И да и нет, – туманно ответил он, сам полез на книжные полки и ловко спрыгнул, держа перед собой большой том по истории и мифологии Древнего Египта. – Ты ещё здесь? – буквально через минуту удивился он, словно бы впервые увидев меня. – А разве тебе не надо проведать бабушку?

– Я был у неё вчера, сэр.

– И как она? Надеюсь, в добром здравии.

– Не совсем. – Я почесал затылок, как обычно поступают все британцы, не зная, что ответить. – По правде говоря, бабуля слегка подралась с соседями. Две почтенные дамы с соседней улицы деликатно намекнули ей, что старая матросская песня «Голубая луна всему виной...» звучит весьма двусмысленно.

– Глупости, она абсолютно недвусмысленна.

– Возможно, они были где-то правы по сути, но не по факту обращения. Бабуля надавала им тумачков, в дело вмешался дворник, потом фонарщик, потом ещё двое прохожих, священник англиканской церкви и...

– И?

– Короче, больница переполнена, сэр, – громко отрапортовал я. – Бабушка дома, лечится виски и передаёт вам пламенный привет.

– Старая закалка, теперь таких не делают, – быстро листая страницы, пробормотал Лис. – У тебя два часа на мастерскую. Потом тренировки с Шарлем, и после ужина мы едем в Британский музей.

– Могу я взять что-то из средств защиты?

– Вряд ли нам это понадобится. Впрочем, возьми электрический фонарь, рогатку и... и... какую-нибудь книжку почитать. Судя по всему, главная опасность для нас состоит в том, что там можно умереть от скуки.

– Думаю, если нам грозит именно это, то мы бессмертны, – хмыкнул я.

Скука, зевота, сонливость, праздность, лень – понятия, несовместимые с кипучим характером моего наставника. Месье Ренар попросту не умел скучать. В этом смысле тонкий английский сплин никогда не мог взять власть над непредсказуемой лёгкостью его игривого французского нрава.

Мне доводилось видеть Лиса в радости, в ярости, в печали, в безумстве, а один раз даже в слезах (когда он сам переборщил с горчицей на яйцах-пашот), но никогда в тоске или в унынии.

Считается, что «близкие к природе» зачастую намеренно забывают или даже стыдятся естественной звериной части своего самосознания. Так вот, месье Ренар, наоборот, из принципа всячески подчёркивал свою оригинальную самобытность, свой исключительный стиль и неподражаемый шарм.

К примеру, на днях он заставил меня прочесть записки безвестного средневекового монаха, обработанные великим Иоганном Вольфгангом фон Гёте, совершенно серьёзно утверждая, что прототипом героя этого литературного произведения послужил его далёкий предок.

И должен признать, что, несмотря на всю грубоватость описываемых нравов, жестокость эпохи, глупость и суеверия большинства участников данного эпохального плутовского романа, я действительно находил некоторое сходство в чертах характера немца Рейнеке, француза Ренье и британца Ренара. Прочтите же и сравните сами!

Но если слепо верить моему учителю, то все, абсолютно все лисы на земле неуловимо похожи друг на друга. Не только внешностью или повадками, но ещё и врождённым авантюризмом, опасно балансирующим на канате меж безобидной шуткой и серьёзным нарушением закона!

По крайней мере, за те почти два месяца, что я служил у месье Ренье, этот баланс легко нарушался в обе стороны немыслимое количество раз.

– С вашего разрешения, сэра, я удалюсь в мастерскую.

Лис кивнул, не отрываясь от книги.

Само по себе помещение мастерской как святая святых нашего просвещённого девятнадцатого века, эпохи электричества и пара, находилось в подвальном помещении двухэтажного особняка благородной семьи Ренаров.

Должен признать, что мой учитель имел достаточные финансовые возможности для оборудования мастерской или лаборатории на самом высоком уровне. Всё необходимое для исследований в области физики, химии, электричества и всего того, что могло считаться сопутствующими процессами, имелось здесь в избытке. А при необходимости тут же покупалось по первой же моей просьбе. Лис ценил и поощрял практическую учёность.

Я с наслаждением надел плотный фартук, крепкие резиновые перчатки, берясь за своё так и не доведённое до конца изобретение. Новая современная полицейская дубинка. Или, как скептически выразился однажды наш дворецкий, НСКПД («не суйся к полиции, дурак!»).

Учитель говорил, что в своё время старина Шарль был участником студенческих беспорядков в Лионе и Париже, так что на своей собственной шкуре знал всю мощь рукоприкладства органов охраны правопорядка. В это невозможно поверить, но наш вышколенный лысый дворецкий в молодости был ярый и отчаянный бунтарь! Я в очередной раз задумался о том, как мало знаю об окружающих меня людях. Но займёмся делом...

Электрический звонок, призывающий меня подняться наверх, прозвучал, наверное, не раньше чем часа через четыре или пять, а время текло просто как песок сквозь пальцы. Мне только-только удалось разобраться с балансировкой

дубинки, так, чтобы она могла выстреливать электрическим разрядом, а после выстрела не потерять своей функциональности в самом примитивном применении.

Я поясню, если непонятно.

То есть, если электрический разряд не вырубил преступника, просто добей его с размаху той же дубинкой по башке! И будет тебе как полисмену полное счастье...

Проблема заключалась в том, что нынешняя полиция Лондона была вынуждена (так как находилась под жёстким диктатом определённого лобби в палате лордов) применять в качестве личного оружия лишь короткую деревянную дубинку. Предмет, приносящий мало пользы в реальном бою и уж совершенно бесполезный против преступника, вооружённого палкой, длинным ножом, кастетом, цепью или пневматическим револьвером.

В результате чего наши доблестные бобби попадали в больницу гораздо чаще тех, кого, по идее, должны были сурово задерживать. Мне не хватало буквально пары недель на доработку первого экспериментального образца, который не стыдно было бы показать хоть тому же инспектору Хаггерту. Но времени всегда так мало-о...

- Уже иду, сэр! - прокричал я, надеясь быть услышанным.

Честно говоря, после утренней «разминки» (так это называет наш дворецкий-костолом) меня не особенно тянуло к дневным тренировкам. Хотя должен заметить, что если ранее бывший военный дрался молча, то последние шесть-семь дней он болтал не затыкаясь.

На французском, разумеется! Даже учителя, что преподавали нам основы иностранных языков, помнится, и то делали это не в такой экспрессивной манере.

С другой стороны, если в английской школе для мальчиков за год я сумел выучить только «бонжур», «пардон» и «вуаля», то здесь уже на третий день драк с разговорчивым Шарлем я вдруг осознал, что понимаю как минимум треть из того, что он говорит! Это было практически невероятно. Кто же способен

учить иностранный язык, когда он сопровождается оплеухами и тумаками?!

Старый дворецкий буквально вбивал в меня каждое слово кулаком или пяткой. Не представляю, как у него это получалось и каким таинственным образом всё это трансформировалось в моём мозгу, однако на последней тренировке я умудрился громогласно послать его к чёрту на чистейшем французском без малейшего акцента!

- К вашим услугам, месье, - на восточный манер поклонился я, выходя из мастерской.

- Хозяин ждёт, - сухо обронил дворецкий, освобождая мне дорогу.

- Что ж, выходит, тренировок сегодня не будет?

Если я и показал напускное разочарование, то самую чуточку. Однако, на мою голову, бдительному Шарлю хватило и этого. В следующее мгновение я кубарем летел по коридору в гостиную, подгоняемый размашистыми точными ударами ног старого боксёра.

Молчание - золото! В этой простенькой истине мне приходилось убеждаться практически ежедневно.

- О, Майкл? - искренне обрадовался месье Ренар, когда я пыльным клубком вкатился в гостиную, едва не врезавшись спиной в камин. - Присаживайся, ужин стынет. Через полчаса мы должны покончить с чаем и направиться в музей.

- То есть, сэр, мы действительно идём слушать ночные шорохи мумий?

- Сам в шоке, - честно признался мой учитель. - Но джентльмен обязан держать слово. Или у тебя есть какие-то сомнения?

- По поводу «держать слово»? О нет!

- А по поводу чего есть?

– Ну, мне представляется неким лёгким кретинизмом поход на египетскую выставку с целью послушать звуки, шорохи, скрипы ради успокоения инспектора Хаггерта.

– Мальчик мой, иногда ты даже больший англичанин, чем весь британский парламент в целом. Не стоит быть таким занудным. Или тебе необходима ещё одна прививка веселья от юной племянницы нашего Шарля?

Мне оставалось только рухнуть на колени, молитвенно сложив руки перед грудью. Что угодно, только не милая мадемуазель Кристи, увольте, лучше застрелиться на месте, выпить пинту яду или убить себя головой об стену. Делайте со мной всё что хотите, только не бросайте с размаху в этот колючий розовый куст...

– Я так и понял, – удовлетворённо потянулся Лис, демонстративно пододвигая ко мне столик, накрытый к ужину.

Слегка остывший ростбиф, поджаренный хлеб, ирландский пирог, рагу из баранины, тушённые в пиве овощи, свежий французский сыр с мёдом и запечённая груша в малиновом джеме. Поверьте, до моего поселения в доме месье Ренье я и близко не подозревал, что солёный сыр можно макать в сладкий мёд! К моему немалому удивлению, это оказалось вполне себе очень даже вкусно!

– Собирайся, – объявил мой наставник ещё до того, как покончил с десертом.

Я даже не пытался спорить: за столь недолгое время пребывания в доме Лиса мне не раз преподавали библейский урок смирения. Дождаться дополнительных пинков от дворецкого было крайне рискованно, храни меня пресвятой Ньютон-шестикрылый!

Если кто считает, что в англиканской церкви нет святых, то поправлюсь, Ньютон не святой. Он великий учёный, по моему личному представлению равный как минимум апостолу! Так что вполне заслуживает соответствующего уважения.

В общем и целом мы успели собраться и вышли из дома примерно в восемь часов вечера. Угадайте, кто ждал нас на мостовой?

– Лисицын! Хлопчик! Да сидайте уже, довезём до места в наилучшем виде, – со скалзубой улыбкой встретил нас рыжий жеребец с белой полосой от храпа до лба.

Ох, вот только Фрэнсиса нам тут и не хватало? Нет, нет, нет, он ведь будет петь...

В саду, при долине, я розы рвала,

Рвала и бросала под те ворота.

Рвала и бросала, ох, под те ворота-а.

Не смейся, козаче, шо я сирота!

Не смейся, козаче, шо я сирота,

Пришёл бы ты сватать, а я б не пошла!

Наверное, если бы я просто попытался перевести всё это дословно на великий язык Китса, Стивенсона или Шекспира, то результат был бы плачевным. Даже сам бессмертный Марло не смог бы создать нечто равноценное старым донским песням. И не потому, что английский язык беднее русского, просто некоторые моменты души непереводимы по сути своей.

И лишь когда в далёком будущем я впервые посетил таинственную Россию, загадочную Кубань и дикий тихий Дон, мне многое открылось, став явным. Быть может, именно тогда я, чистокровный англичанин, вдруг впервые надел *parakh'у* набекрень и назвался *cossack'ом*. Ну да обо всём этом когда-нибудь потом, не сейчас, верно?

А в тот злополучный вечер, пока наш поющий кебмен гнал паровую машину под морозящим дождём, никто из нас и близко не задумывался, сколь опасным для здоровья может оказаться посещение обычной музейной выставки. Опасности редко заявляют о себе заранее.

Фрэнсис высадил нас на тротуаре напротив величественного здания Британского национального музея. И хотя мы оба с учителем были в плащах, всё равно успели промокнуть, пока поднимались по ступеням довольно длинной широкой лестницы. Официально сторожа закрывали помещение для

посетителей в восемь часов пополудни.

Как я понял, мы успели ровно за десять минут до закрытия музея, как раз для того, чтобы два полисмена встретили нас на входе и, подтвердив приказ инспектора Хаггерта, сопроводили внутрь по коридорам вплоть до дубовых дверей зала естествознания. Там они торопливо попрощались, закрыли нас на ключ (!) и рванули из музея с такой скоростью, что перестук их форменных ботинок можно было принять за дробь копыт двух скаковых лошадей, несущихся галопом по паркету.

– И это Скотленд-Ярд, краса и гордость британской полиции, – с тихим изумлением пробормотал Лис, поворачивая на полную мощность выключатель электрического освещения. – Располагайся на стуле зрителя, поспать нам сегодня не удастся, но хотя бы посидеть с комфортом мы имеем право.

Наверное, по всем правилам детектива мне стоило бы описать зал, где мы находились?

Ну и, честно говоря, не сделай я этого, месье Ренар был бы в некотором недоумении, ведь в мои прямые обязанности входит записывать буквально всё – в деталях и цифрах.

Итак, попробуйте представить себе довольно просторную комнату прямоугольной формы шагов сто двадцать в длину и семьдесят в ширину. По центру стоял невысокий дубовый стол, накрытый длинной чёрной скатертью до пола. На нём покоился древнеегипетский саркофаг, расписанный иероглифами и рисунками, основные цвета чёрный, красный и белый.

Крышка, разумеется, была закрыта, но табличка гласила, что внутри находится мумия третьей жены самого Тутанхамона. Да, я помню, что он умер совсем молодым, но учитель говорил, что фараон, как олицетворение бога Ра на земле, мог жениться хоть в возрасте трёх-четырёх лет. Чем мог заниматься такой ребёнок со взрослой женщиной в браке, лично я ума не приложу, наверное, игрой в ладушки или догонялки, не более.

Сразу за саркофагом, у противоположной входу стены, привлекали взор две длинные витрины, под толстым стеклом которых были выставлены драгоценности фараона. В основном это было жёлтое золото, плохо

обработанные рубины, изумруды, бирюза, привезённый янтарь.

Справа и слева располагались небольшие постаменты для мумий животных, тут были кошки, собаки, шакалы, соколы и даже одна мышь в крохотных бинтах. По обе руки от входной двери вдоль стен стояли древние глиняные плиты, сплошь изрисованные сложными египетскими иероглифами. О чём именно там велась речь, мне неизвестно.

Возможно, мой учитель знал, но он, как всегда, молчал, сохраняя таинственный и многозначительный вид. Лис неторопливо обошёл всю выставку по кругу, внимательным образом осмотрев все экспонаты и особенно задержавшись у саркофага.

– Ну что ж, мой мальчик, – нарочито громко, так что у меня на миг заложило уши, проорал он. – Как видишь, всё в порядке. Никаких таинственных звуков, чуждых голосов, заклятий мумий и прочего мистического ужаса, что так напугало бравого сержанта полиции. Гавкинс обычный паникёр, его подвело слишком богатое воображение. Здесь есть две кушетки для уставших посетителей. Укладывайся на любой и попытайся уснуть, уборщики поднимут нас в семь утра.

– Со всем моим уважением, сэръ, – шёпотом признался я, подойдя поближе. – Сержанта Гавкинса можно назвать кем угодно, но не паникёром. К тому же я абсолютно уверен, что у него напрочь отсутствует воображение.

– Майкл, всё, что я говорил сейчас, – это не для тебя и уж тем более не для сержанта, – таким же мягким шёпотом, твёрдо сдавив мне руку, предупредил месье Ренар. – Поэтому марш спать без препирательств и разговоров.

– Но если что, то я готов...

– Нет, уверяю тебя, ничего не произойдёт. Просто спи.

У меня не было причин не доверять ему. Более того, даже самый короткий опыт общения с Лисом достаточно быстро учил вас принимать каждый его совет за золотую монету.

Любой мальчик, если он не круглый дурак, точно знает, когда продолжать тонко по-английски троллить учителя, а когда лучше заткнуться, изображая полное и безоговорочное послушание.

Сейчас имел место быть именно этот случай. Поэтому, церемонно поклонившись моему рыжему наставнику, я выбрал себе длинную кушетку, обитую красным бархатом, положил под голову сумку с блокнотом и, не снимая ботинок, улёгся на правый бок.

Месье Ренар, щёлкнув выключателем, погасил свет, расположился на противоположной кушетке, и буквально через пару минут я уже слышал его ровное сонное сопение. Нет, он не храпел в общепринятом человеческом понимании этого слова, но он изумительно тонко и в чём-то даже музыкально выводил мелодические рулады носом.

Лично мне казалось, что он напевает классическое «Тореадор, смеле-е-е-е в бой!». Но давать гарантии не берусь, вполне может статься, что это было французское «нон, редорьян...» или вообще какая-нибудь малопонятная «хава нагила, хава нагила-а!». Собственно, я и заснул, пытаюсь разгадать эти мелодии с трёх или четырёх нот. И, как ни странно, это убаюкивало...

Мне снилось, что мы гуляем с отцом, в воздухе разливался то ли скрежет, то ли какая-то неуловимая музыка, я совсем маленький, он ведёт меня за руку, нам так хорошо вместе. Было тепло, пахло цветами, я смотрел на него снизу вверх, у него большая ладонь и всегда аккуратно подстриженные ногти. Почему дети запоминают малозначительные детали? Я совершенно не помню, о чём он говорил со мной, не мог бы повторить ни одного отцовского совета. Пресвятой электрод Аквинский, да я даже голоса его не помню! Почему?!

– Мальчик мой, – моего плеча коснулась мягкая лапа Лиса, – ты кричал во сне.

– Я... я не... Ох... простите меня, сэр.

– Ах, ерунда, не стоит извинений. – Мой учитель подхватил меня под мышки, довольно бесцеремонно встряхнув и поставив на ноги.

К моему изумлению, уже наступило утро, солнце пробивалось сквозь неплотно задёрнутые шторы узких окон, а в самом помещении трудились пятеро

уборщиков. Все в одинаковых серых костюмах, белые передники, чёрные туфли, и все при деле. У двоих щётки на длинных ручках, которыми они старательно мели пол, ещё двое протирали вельветом витрины, а один, важно раздувая щёки, старательно сдувал пыль с саркофага.

Месье Ренар выглядел абсолютно свежим, благородно улыбался во все стороны, и в жёлтых глазах его прыгали весёлые искорки. Я невольно поёжился, обычно эти признаки свидетельствуют о том, что в самое ближайшее время мы с головой влетим в какие-нибудь неприятности.

– Сэр, вы уже всё поняли?

– Само собой, – хлопнув меня по плечу, счастливо рассмеялся он. – Дело раскрыто! Сегодня мы сделаем доклад в Скотленд-Ярде, а уже завтра вечером они арестуют злодея у него же на дому! Всё оказалось даже проще, чем я ожидал.

– Не могли бы вы подвинуться, джентльмены? – попросили нас.

Нам пришлось извиниться и выйти из зала. Через пару часов египетская выставка должна была распахнуть двери для новых толп посетителей. Я обернулся, ещё раз бросая взгляд на древние мумии, на минуточку мне даже почудилось, что одна из древнеегипетских кошек игриво подмигнула мне. Наверное, это была полусонная иллюзия или обман зрения на общем мистическом фоне.

Мы быстрым шагом покинули музей, вышли на улицу, а там уже во всю пасть зевал навстречу новому дню наш неизменный кебмен с тихого Дона. Неужели он дежурил тут всю ночь? Ну надо же...

– Га! Лисицын с хлопчиком? Та ще живые оба! Сидайте уже, прокачу с ветерком до дому, до хаты. А то у хлопчика рожа як сметана, краше в гроб кладут!

Уф, пресвятой электрод... не знаю, что положено говорить приличному англичанину в подобной ситуации. После Крымской войны я уже знал, что значит *mat ro-russki*, но в годы моей свежей и непорочной юности такие страшные и восхитительные слова никоим образом не умещались у меня на языке. Да он бы, наверное, просто отсох, как мне кажется.

– Давно стоишь, братка? – фамильярно бросил мой учитель, первым залезая в кеб. – Ох и славное дело было, дружище, как сами живы остались, одному Господу ведомо. Ну да божьими молитвами хранимы, вот и выбрались!

– Правду ли говоришь, Лисицын? – в голос хохотнул рыжий кебмен с белой полосой вдоль морды. – Та сидайте ж уже, поехали!

Кеб пустил пары, колёса скрипнули, нас откинуло на мягкие кожаные сиденья, и мы всю дорогу наслаждались (ради меня прошу взять это слово в кавычки) невероятно длинной, печальной и даже в чём-то заунывной русской песней. Если когда-нибудь я это полюблю, прикажите повесить меня за измену интересам британской короны. Ну пожалуйста-а...

– Приведи себя в порядок, через десять минут Шарль подаст завтрак, – через плечо бросил Лис, когда мы наконец-то добрались до места, шагнув под сень нашего уютного дома. – Завтракай без меня, мне нужно будет заняться некоторыми приготовлениями.

Дворецкий встречал нас выбритый и немногословный, как всегда. Сколь бы рано или сколь бы поздно ни явился месье Ренар, тощий лысый старикан всегда встречал его в безупречно выглаженном костюме, белоснежной сорочке и туфлях, надраенных, словно столовое серебро, всегда невозмутимый, без единого упрёка или даже случайного косога взгляда.

Как он умудрялся всегда быть на высоте, не знал никто. Эта великая тайна наверняка будет унесена им в могилу. Впрочем, судя по всему, наступит это очень не скоро, то есть лично я вряд ли доживу, чтобы удостовериться лично.

Наверху, в моей комнате, на кровати, уже ожидала чистая смена одежды, благодаря Лису теперь меня одевали, словно мальчика из очень обеспеченной семьи. На то, чтобы умыться, почистить зубы, переодеться, ушло, наверное, минут пять-шесть.

Лёгкий французский завтрак – круассаны с маслом, два варёных яйца-пашот, вишнёвый джем и чашка чая. Обычно здесь подавали кофе, но в этом плане для меня делалось исключение. Учителя в доме не было, а спрашивать, куда он пошёл, просто не имело смысла. Если старина Шарль и знает, то всё равно не

скажет. А он не знает, я уверен.

Через десять минут после завтрака мне пришлось отмахиваться шваброй от лысого агрессивного старикана, размахивающего над головой тонкой стальной цепью. Пару раз мне удавалось ускользнуть, раза три или четыре я ухитрился подставить швабру под удар, раз двадцать он сбивал меня с ног мгновенными захлёстами, и несчётное количество раз кончик цепи обжигал мне спину. Даже не скажу, больно ли это было...

Больно-о! Дико больно и ещё жутко обидно! Потому что мне ни разу не удалось дать ему сдачи, хотя, клянусь ньютоновым яблоком, это уже давным-давно стало навязчивой идеей.

Как он меня бесил, невозможно высказать на английском, язык великого Шекспира не обладает таким количеством достойных ругательств или проклятий, каковые кипели в котле моей души. Наверное, можно было бы подобрать что-то в немецком, который мне, признаюсь, пришлось изучать, но там в основном богохульства, а тут требовалось всё-таки нечто иное.

Как вы догадались, рыжий жеребец с Дона мог бы подсказать некую подходящую обличающую конструкцию. Я лично слышал один раз собственными ушами, как он обложил арабского кебмена, подрезавшего его на повороте. Смысл был от меня слишком далёк, но эмоциональный фон настолько явен, что в литературном переводе уже не нуждался.

Надо непременно переписать эти крайне полезные выражения, думал я, лёжа на лестнице носом вниз, связанный по рукам и ногам проклятой цепью.

- Месье Ренар стоит у дверей, - неожиданно сообщил мой наставник по боевым искусствам. - Прошу извинить меня за то, что вынужден прервать наш урок. Встреча хозяина дома входит в мои первоочередные обязанности.

- Само собой, - кое-как просипел я. - Не извиняйтесь, Шарль, я не в обиде.

- Обещаю продолжить, как только освобожусь.

- Вы невероятно великодушны!

Он коротко кивнул, словно пытаясь клюнуть носом муху, и поспешил вниз. Лёгкий скрип отворяемой двери секунда в секунду совпал с первым ударом электрического молотка.

- Опаздываете, старина...

- Нет, нет, сэри! - во всю мочь прокричал я. - Дворецкий ни в чём не виноват, это я ненароком задержал его во время наших тренировок. Могу ли я рассчитывать на ваше снисхождение, сэри?

Минутой позже на меня взглянул несколько ошарашенный Лис. Внимательно оглядев моё бедственное положение, он тем не менее не попытался распутать цепь, а лишь довольно учтиво спросил:

- Тебе удобно, мой мальчик?

Я закивал, стуча лбом о ступеньку.

- Хорошо, тогда будь добр присоединиться ко мне за чаем. Шарль, для меня есть корреспонденция?

- Нет, месье, только утренние газеты. Что прикажете подать вам к столу?

- Моего юного секретаря.

Через некоторое время я сидел на стуле с прямой спиной (невозможно ныло меж лопаток и с боков) с новым блокнотом на коленях и заряженным электропером.

Мой учитель на этот раз решил отдать дань британским традициям, то есть цейлонскому чаю со сливками. Похрустывая тонким печеньем, месье Ренар качал левой ногой и вслух зачитывал мне некоторые новости из подборки утренних сообщений.

- Дерзкое ограбление в Британском музее.

- Ньютон-шестикрылый, когда?! - удивился я, вытянув шею.

– Думаю, давно, – обернулся ко мне Лис и продолжил читать самым драматичным голосом: – «Благородный лорд Теккерей, посетивший утром выставку египетского искусства, любезно предоставленную им же Британскому национальному музею, вдруг заметил, что у одного золотого скарабея изумруд, изображавший глаз, был заменён на рубин. Изумлённый столь неожиданной метаморфозой, коллекционер поначалу счёл это причудливой игрой света и тени. По его просьбе смотритель на время закрыл выставку, опечатав вход, к недоумению, а кое-где и к прямому возмущению купивших билеты посетителей. И что же сегодня сумели выяснить опытные журналисты нашей газеты?

Вы не поверите, в девяноста восьми случаях из ста золотые украшения были подменены вульгарной полированной латунью!!! Крайне опечаленный лорд Теккерей удалился в чрезвычайном огорчении, его светлость впоследствии впал в праведный гнев и объявил о намерении подать в суд на Скотленд-Ярд, требуя от главы полиции инспектора Хаггерта полного возмещения всех финансовых издержек плюс компенсации морального ущерба. Это справедливо!

Сам инспектор от комментариев в прессе категорически отказался, ссылаясь на участие в данном вопросе некоего месье Ренара, который якобы является единственным и полноценным консультантом полиции по этому запутанному делу. Редакции удалось выяснить, что этот самый Ренар по факту является не британцем, не шотландцем и даже не ирландцем, а французским подданным. Его настоящее имя месье Ренье, он проживает в Лондоне по адресу...» и так далее. Ничего более существенного они, разумеется, не смогли нарыть.

– Сэр?

– Да, мой мальчик.

– Памятуя того же Шеспира, мы в заднице?

– О, уверяю тебя, это ещё самое мягкое выражение...

Лично я закусил нижнюю губу, дабы не задавать лишних вопросов и не влезть в ещё большие серьёзные неприятности. То есть, спаси меня от бед Ньютон-шестикрылый, по факту мы и так были в них по уши! Или глубже, нет? Нет, глубже некуда.

Но, с другой стороны, есть же некоторая разница между нашими проблемами и проблемами моими? Наши ложатся на плечи моего рыжего работодателя, а личные, разумеется, обязан расхлёбывать я сам. А у меня на это ни времени, ни сил, ни желания.

– Я всё записал, сэр!

– Отлично, Майкл, – даже не глядя на меня, в сторону бросил Лис. – Тебя устраивает прежнее имя или, может, поменять его на Александр, Георг или Ричард?

– Меня всё очень даже устраивает!

– Как прошли твои занятия? Надеюсь, старина Шарль не халтурит?

– О нет! Поверьте, сэр, он не даёт мне ни минуты поблажки, – возможно, слишком поспешно заявил я, но месье Ренар благодушно кивнул:

– Отлично, тогда ты можешь провести время в лаборатории. Примерно в семь пополудни мне понадобится твоя помощь.

Спрашивать, где между двенадцатью дня и девятнадцатью вечера помещается мой законный обед, явно не стоило. Ренар, как и всякий истый француз, был до глубины души уверен, что мы едим для того, чтобы жить, а не живём для того, чтобы есть! Представляете?

Думаю, добрая половина Великобритании предала бы его за такие мысли торжественному сожжению на костре, назвав это национальным праздником, но конец девятнадцатого века диктовал иные взаимоотношения между людьми и более толерантные законы миропорядка.

Поэтому я без споров, скандалов и прочего послушно удалился в мастерскую, на полпути втихую получив от дворецкого бумажный пакет с двумя бутербродами. По-британски это должны были быть сэндвичи. Но старина Шарль в определённых случаях почему-то отдавал должное немецкой кухне, старательно готовя именно бутерброды.

Моя работа в лаборатории сегодня совершенно не клеилась. Та полицейская дубинка, над усовершенствованием которой я упорно трудился в свободное время, была практически закончена.

Резиновая основа, небольшой по мощности аккумулятор в рукоятке, тугая пружина, дающая гарантированный выстрел на два-три шага, длинная, острая игла на тонкой стальной проволоке и электрический разряд, способный вырубить на несколько минут полноценного взрослого мужчину. Поверьте, я почти добился, чего хотел, но...

Увы, месье Ренар, внимательно следивший за моими успехами, весьма сдержанно похвалил мою работу и признал, к своему огромному сожалению, что в ближайшее время полиция вряд ли перейдёт на этот вид оружия. По его словам, руководство Скотленд-Ярда всегда будет больше заботиться о соблюдении неких своих старых добрых традиций, чем о безопасности низших чинов.

Наши бедные бобби по-прежнему будут выходить на лондонские улицы, защищённые простым чёрным мундиром, вооруженные короткой деревянной дубинкой и, самое главное (!), гарантией королевы, что полиции должны подчиняться невзирая ни на что! Ибо это полиция самой Великобритании! И служит она от лица её величества, поняли, преступники, а?!

Весь этот патриотический бред утверждался палатой лордов, притом что редкий горожанин в наши времена не носит при себе хотя бы складной нож. Солидные джентльмены ходят с тяжёлой палкой, набалдашник которой залит свинцом, сельские сквайры не расстаются с дробовиком, а купить пневматический армейский револьвер вообще не проблема. Случись что, простые лондонцы вполне способны и сами за себя постоять, не дожидаясь помощи от слабо вооружённой полиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/andrey-belyanin/egipetskaya-sila>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)